

ВИТАЛИЙ БЕГЕЗА

АБХАЗСКИЙ МАРШРУТ

Виталий Бегеза

Абхазский маршрут

«Автор»

2026

Бегеза В. В.

Абхазский маршрут / В. В. Бегеза — «Автор», 2026

Дорогие автомобили один за другим исчезают из московских прокатов. Клиенты предъявляют чужие паспорта, получают ключи и уходят на юг, где машины меняют номера, документы и владельцев. За отдельными эпизодами оперативник Московского уголовного розыска Виталий Глебов обнаруживает отлаженный преступный маршрут, ведущий к абхазской границе. Вместе с сотрудником Краснодарского краевого уголовного розыска Романом Аслановым он распутывает цепь, связывающую изготовителей поддельных документов, технических специалистов, перегонщиков, посредников и заказчиков. Исполнители легко заменимы, а организаторы уверены в своей недосыгаемости. Чтобы разрушить преступный канал, оперативникам предстоит собрать разрозненные факты в единую систему доказательств и не переступить черту, отделяющую закон от произвола. «Абхазский маршрут» — самостоятельный документально-художественный роман из вселенной «Дела оперативной разработки 777» о работе уголовного розыска, долге и цене справедливости.

© Бегеза В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Пролог. Жезл	7
Часть первая. Южное направление	9
Глава 1. Машины уходят на юг	10
Глава 2. Рекомендация	16
Глава 3. Роман Асланов	19
Глава 4. Привязка	23
Глава 5. Старое Баку	26
Глава 6. Чистодел	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виталий Бегеза

Абхазский маршрут

Абхазский маршрут

Документально-художественный роман

Виталий Бегеза

От автора

Перед вами художественный роман. В нём использованы профессиональная среда, типовые ситуации и обобщённые наблюдения о работе оперативников, преступных схемах и людях, которые оказываются по разные стороны закона. При этом сюжет, персонажи, разговоры, даты, адреса, маршруты, документы и процессуальные обстоятельства являются художественной конструкцией.

Любые совпадения имён, биографий, служебных эпизодов, судебных обстоятельств или маршрутов с реальными людьми и событиями не следует воспринимать как документальное описание конкретного дела. Всё, что могло бы указывать на конкретных лиц, изменено, объединено, перенесено во времени или вымышлено.

Эта история существует в той же художественной вселенной, что и книга «Дело оперативной разработки 777». Это самостоятельный роман, но Виталий Глебов в нём остаётся тем же человеком: пока одна работа требует его внимания, рядом уже растёт другая.

Это не книга об абхазах как о народе. У преступления нет национальности, как нет её у жадности, страха или мужества. Абхазия в художественном пространстве романа — не обвиняемая, а часть маршрута: место, куда уходят похищенные машины и где заказчики рассчитывают стать недосягаемыми.

Главный герой романа — Виталий Глебов, московский оперативник. Рядом с ним работает Роман Асланов из южного уголовного розыска. У каждого своя территория и свой способ видеть людей. Их связывает общая цель: не довольствоваться задержанием очередного водителя, а добраться до тех, кто придумал и оплачивал весь канал.

Пролог. Жезл

южная трасса, зимний вечер

Левон Харчиладзе заметил инспектора раньше, чем тот поднял жезл.

Дорога блестела после дождя. Вечер давно стемнел, и мокрый асфальт возвращал свет фар белыми полосами. До границы оставалось совсем немного — меньше, чем от последней заправки, и несравнимо меньше, чем от Москвы. Обычно на этом участке его отпускало. Позади оставались федеральная трасса, посты, камеры и тысячи километров, на которых чужая машина могла внезапно стать проблемой. Впереди начиналась территория, где она должна была получить другую жизнь.

Серая Toyota шла ровно. Мотор работал тихо, в салоне пахло новым пластиком, табаком и дешёвым кофе. На соседнем сиденье лежала дорожная куртка. Больше в машине никого не было.

Перегонщики почти всегда ездили одни. Так было проще. Не надо объяснять спутнику, кому принадлежит автомобиль, почему водитель каждые полчаса меняет телефон и отчего у него документы на одну фамилию, а представляется он другой. Чем меньше людей в салоне, тем меньше вопросов после дороги.

Левон много раз проходил этот маршрут. Вылетал из Сочи в Москву налегке, получал ключи и бумаги, садился за руль и возвращался на юг. За окнами менялись города, заправки и погода. Задача оставалась одной: не спорить, не задерживаться, не привлекать внимания.

Сегодня Левон ехал один.

Телефон лежал в нише возле коробки передач. Последний раз ему звонили после Адлера. Спросили только, где он. Он ответил коротко. На таких расстояниях никто не желал спокойной дороги: желали доехать.

До пограничного перехода оставалось несколько минут. Белый свет впереди становился ярче. Левон сбросил скорость и машинально провёл ладонью по рулю. Хорошая машина. Даже обидно было отдавать.

Инспектор шагнул ближе к середине полосы и поднял жезл.

Левон включил поворотник. Колёса прошуршали по мокрой обочине. Он посмотрел в зеркало и увидел, как сзади остановилась ещё одна машина. Из неё никто не выходил.

Инспектор подошёл к окну.

— Добрый вечер. Документы.

Левон протянул паспорт и бумаги на автомобиль. Инспектор посветил фонарём сначала на фотографию, потом на лицо водителя. Сделал это без обычной дорожной лентцы. Не спросил, куда тот едет. Не пожаловался на погоду. Не предложил открыть багажник.

Он ждал именно эту машину.

Левон понял это не сразу. Понимание пришло, когда инспектор отошёл на два шага и не понёс документы к служебному автомобилю.

— Выйдите, пожалуйста.

— А что случилось?

— Выйдите из машины.

Левон открыл дверь, и сырой холод сразу полез под куртку. На обочине появились люди в тёмном. Без крика, без беготни. Один встал у капота, другой — за спиной водителя. Ещё один открыл правую дверь и забрал телефон из ниши.

— Телефон оставьте в салоне.

— Командир, давай разберёмся, — сказал Левон. — Я нормальный человек. Еду по своим делам.

— Разберёмся.

Он сказал это ровно, без грубости и без сочувствия, — так говорят, когда разговор уже ничего не меняет.

В нескольких десятках метров, в неприметной машине, Роман Асланов смотрел, как инспектор укладывает документы в прозрачный пакет. Он не вмешивался. Всё, что требовалось от него этим вечером, было сделано заранее: автомобиль не потеряли на дороге, людей расставили, московская группа ждала сигнала.

Вся разработка упиралась в этот момент.

Можно было месяцами слушать разговоры, сопоставлять телефоны, следить за встречами, устанавливать мастеров и водителей. Но пока похищенный автомобиль не был взят на маршруте, схема оставалась набором отдельных эпизодов. Сейчас южный конец канала оказался у Романа в руках.

Роман достал телефон и набрал короткий номер.

В Москве ответили сразу.

— Виталий?

— Да.

— Машина у нас. Водитель тоже.

В трубке несколько секунд молчали. Потом Глебов спросил:

— Точно наша?

Роман перевёл взгляд с серого кузова на Левона, стоявшего у капота. Тот уже не пытался спорить. Он глядел в сторону пограничных огней, до которых не доехал всего несколько минут.

— Теперь уже точно.

— Понял. Начинаем.

Глебов отключился.

В Москве к этому звонку были готовы. Все основные фигуранты находились под наружным наблюдением. За одними смотрели у подъездов: они были дома и считали вечер обычным. Других вели по городу. Наблюдатели передавали перемещения короткими фразами, без фамилий и лишних объяснений.

Арсен Месропян в момент южного задержания ехал по Москве на автомобиле вместе с одним из подельников. За ними держалась машина наружки. Не прижималась близко, не висела в зеркалах, но и не отпускала.

— Второй в движении, — доложили Глебову. — В машине двое.

— Ведите. Пока не трогать.

У других адресов ждали оперативные группы. Отдельные сотрудники готовились к обыску у женщины, которую в преступном кругу называли Чистоделом. Силовая поддержка находилась наготове. Никто ещё не входил в квартиры и не останавливал машины: сначала Роман должен был подтвердить задержание перегонщика на юге.

Теперь подтверждение было получено.

Главная волна должна была пройти одновременно. Иначе один звонок разрушил бы месяцы работы: кто-то успел бы скрыться, кто-то выбросил бы телефон, кто-то избавился бы от документов.

Глебов сверился с часами. За окнами московского кабинета тоже было темно.

— Всем группам работать, — сказал он.

Теперь нельзя было опоздать ни на одну дверь.

Левон стоял на мокрой обочине и смотрел в сторону границы. Она была совсем рядом.

Но дорога для него уже закончилась.

Часть первая. Южное направление

Иногда большое дело начинается не с заявления, а с повторяющегося вопроса.

Глава 1. Машины уходят на юг

Москва, примерно за год до задержаний

Виталий Глебов не сразу увидел преступную группу. Сначала он видел отдельные машины. Одна пропала из проката. Другая числилась взятой на несколько дней, но перестала отвечать на сигналы. Третью хозяин хватился не сразу: арендатор вежливо обещал продлить договор и перевести деньги. Разные районы, разные владельцы, разные фамилии. Для дежурных частей — разные происшествя. Первую справку Глебов отложил в сторону. Вторую прочитал внимательнее. На третьей обвёл ручкой марку автомобиля и попросил Женю Краснова поднять всё похожее за последние месяцы.

— Похожее — это какое? — спросил Женя.

— Где машину не угнали со двора. Где её отдали сами.

К вечеру на столе лежала тонкая стопка. На следующее утро она стала толще. Одни владельцы уже написали заявления, другие всё ещё надеялись на порядочность клиента. Кто-то боялся признаться, что сэкономил на проверке арендатора. Кто-то продолжал звонить на выключенный номер и считать дни просрочки. Глебов разложил материалы по полу возле стола. Марки автомобилей, фамилии арендаторов, телефоны, адреса прокатных контор, последние отметки камер. Отдельно положил эпизоды, в которых машины ещё формально не считались похищенными. Именно они интересовали его больше всего.

В обычной сводке такие истории выглядели скучно. Не было разбитого стекла, выломанного замка, крика сигнализации во дворе. Человек приходил в офис, показывал паспорт, подписывал договор, улыбался менеджеру и получал ключи. Всё происходило при свете ламп, под камерой, иногда даже под дружелюбное пожелание счастливой дороги. Потом дорога меняла смысл.

Камера у проката фиксировала выезд. Камера на соседней улице — нужный поворот. На заправке водитель покупал кофе и пачку сигарет. Дальше машина растворялась в обычном московском потоке, где каждый второй седан и каждый третий внедорожник куда-то спешит. Для города это был транспорт. Для разработки — живое доказательство, которое пока ещё нельзя трогать.

Он любил момент, когда из хаоса начинает складываться рисунок. Не громкий, не красивый — рабочий. В нём важно не одно совпадение, а второе, третье, пятое. Один и тот же способ аренды. Одинаковая осторожность при выборе машины. Короткая жизнь телефонных номеров. Южное направление. Странное терпение владельцев, которые до последнего надеялись решить всё миром.

Глебов понимал их. Человек, сдающий машину в аренду, не хочет верить, что её уже перегоняют на юг. Он звонит клиенту, пишет сообщения, ждёт обещанного перевода, убеждает себя, что задержка бывает у всех. В этот зазор между надеждой и заявлением преступная группа и заходила как в открытую дверь. На оперативном языке это называлось использованием задержки обращения. В жизни выглядело проще: пока нормальный человек стеснялся признать беду, жулики успевали сделать работу.

В работе оперативника есть неприятный промежуток. Ты уже понимаешь, что происходит, но юридически ещё почти ничего не произошло. Машина взята по договору. Телефон арендатора просто выключен. Владелец ждёт оплату и не хочет идти в полицию. Водитель движется по федеральной трассе и формально имеет право ехать куда угодно. А ты смотришь, как имущество уходит из города, и не можешь остановить его только потому, что тебе всё ясно.

Фраза «всё ясно» Глебова настораживала. После неё обычно начинались ошибки. Поэтому он не стал объявлять, что нашёл группу. Он велел проверять. Женя Краснов собирал договоры и фотографии арендаторов. Санёк Кувшинов поднимал камеры, сравнивал телефоны

и адреса. Сам Глебов ездил к владельцам прокатов и задавал одни и те же вопросы, пока ответы не начинали повторяться.

Клиент выглядел прилично. Говорил спокойно. Документы сомнений не вызывали. Выбирал дорогую машину, но не самую заметную. Иногда интересовался продлением. Иногда оставлял номер, который переставал существовать через несколько часов после выдачи автомобиля.

— Они что, все по одной памятке ходят? — спросил Женя после очередного опроса.

— Если бы по одной, мы бы их давно поймали.

— Тогда почему всё одинаково?

— Потому что учитель один. Ученики разные.

С этого момента Глебов перестал искать совпадение между арендаторами. Он начал искать человека, который стоял за ними. На стене появилась карта. Сначала на ней были только точки прокатов. Потом — места последних сигналов, камеры на выездах из Москвы, заправки и участки трассы. Цветные линии тянулись на юг.

Карта быстро перестала быть канцелярской схемой. Она стала похожа на нервную систему: красные отметки прокатов, синие кружки камер, жёлтые стикеры с телефонами, тонкие стрелки, уходящие из Москвы к трассе. Женя Краснов приносил новые листы и молча прикалывал их рядом. Санёк Кувшинов садился на край стола, щёлкал ручкой и смотрел, как очередной эпизод ложится почти в ту же колею.

— Если бы я был владельцем проката, я бы после такого никому машину не дал, — сказал однажды Женя.

— Тогда бы они нашли другого владельца, — ответил Глебов.

— А если бы все перестали давать?

Санёк усмехнулся:

— Тогда жулики пошли бы в банк, взяли бы кредит и украли банк.

Они засмеялись негромко. Смех в таких кабинетах редко бывает весёлым. Чаще он просто не даёт усталости стать злостью. Глебов не поддержал шутку, но и не оборвал. Он в это время смотрел на линию, где Москва заканчивалась и начиналась большая дорога. Чем дальше уходила стрелка, тем меньше значили его привычные московские инструменты. Наружное наблюдение не может бесконечно висеть на машине через несколько регионов. Запрос не успевает за водителем. Ориентировка, отправленная слишком широко, иногда предупреждает не только сотрудников.

Не просто в Краснодарский край. Не просто в Сочи. Машины уходили дальше — туда, где российский розыск уже не означал, что через десять минут дорогу перекроет ближайший экипаж. Абхазия возникала в материалах негромко, почти буднично. Как конечная станция, название которой не принято объявлять вслух.

Само направление не было для Глебова новым. Несколькими месяцами раньше в другом деле он уже слышал историю о дорогом внедорожнике, который людям из Абхазии передал человек в форме дорожного инспектора. Тогда удалось установить сотрудника и восстановить часть маршрута, но тот исчез почти одновременно с увольнением. История осталась в памяти нераскрытой дверью: за ней явно находился рынок похищенных машин, однако войти туда с одним рассказом посредника было невозможно.

Теперь дверь приоткрывалась с другой стороны. Внедорожник из прежнего дела могли украсть со стоянки, спрятать и подготовить заранее. Машины из новых материалов владельцы отдавали сами — вместе с ключами и документами. Способ изменился, направление осталось прежним. Глебов не видел в этом прямого продолжения старого дела, но уже знал, что южный маршрут возник не вчера и обслуживал не одного заказчика. Однажды вечером эта работа неожиданно приблизилась к его дому.

Глебов сидел в кабинете над распечатками телефонных соединений, когда жена прислала сообщение: «Такси везёт не туда. Что делать?» Вместо дороги домой машина уходила по Ленинградскому шоссе. Водитель не включал навигатор, говорил по телефону на незнакомом языке и несколько раз произнёс название посёлка, который уже встречался в материалах по южной группе.

Глебов открыл приложение, увидел движение машины и почувствовал холод, никак не связанный с погодой. Можно было немедленно поднять ближайший экипаж, но тогда водитель заметил бы интерес полиции раньше, чем стало ясно, ошибся он или выполнял чужое поручение. Глебов сверил отметки дорожных камер, нашёл нужную машину, поднял водителей по базам и отправил жене фотографию наиболее вероятного.

— Покажи ему, — сказал он по телефону. — Скажи, что я уже знаю номер и кто за рулём.

Через минуту такси развернулось. Водитель заговорил по-русски заметно лучше, извинился за ошибку и довёз её до дома без новых отклонений. Доказательств угрозы не было. Возможно, человек действительно перепутал дорогу. Возможно, решил объехать пробку и испугался, когда пассажирка показала его собственную фотографию. Глебов избегал строить версии на страхе, поэтому в материалы этот эпизод не превратился.

Но ночью, когда жена уже спала, он долго сидел на кухне. До этого риска касались его самого: засады, погони, чужие гаражи, вооружённые люди. Теперь впервые возникла мысль, что у оперативника есть не только собственная спина. И если южная группа действительно знала, кто ею занимается, ошибиться с человеком на другом конце маршрута он не имел права.

* * *

— Опять прокат? — спросил Женя Краснов, молодой оперативник из соседнего кабинета.

— Опять.

— Заявление есть?

— Пока нет.

— Тогда чего мы ищем?

Глебов повернул к нему лист с маршрутом.

— Вот это.

Женя посмотрел на точки, соединённые ручкой.

— Дорогу?

— Канал.

Одной карты было мало. Глебову нужны были голоса. Когда появились законные основания для оперативной разработки, Москва заговорила. Не признаниями — преступники редко бывают настолько любезны. Обычными разговорами: кто опоздал, кто должен приехать, кому нужна новая трубка, где взять человека, почему южные снова недовольны.

Глебов слушал записи по несколько раз. Отдельная фраза ничего не значила. Но слово, сказанное утром одним человеком, вечером повторял другой. После короткого звонка менялось место встречи. За безобидным вопросом о погоде следовала поездка к прокатной конторе. Так в материалах появился Арсен Месропян.

Он не садился за руль похищенных машин и не показывался в прокатах. Он звонил. Назначал встречи. Торопил. Мирил тех, кто ссорился из-за денег. Находил замену, если кто-то отказывался. После его разговоров разрозненные люди начинали двигаться как части одного механизма. Глебов пока не знал, кто стоит над Месропяном. Но уже понял: это не одиночка и не случайная компания земляков.

Ему нужны были связи: кто выбирает машину, кто находит документы, кто приводит человека в прокат, кто убирает то, что может выдать автомобиль, кто перегоняет, кто принимает на юге и кто платит. Поймать одного водителя было можно. Но завтра на его место сел бы другой. Глебов объяснял это грубо, зато понятно:

— Исполнителей ловить — всё равно что ногти стричь. Отрастут. Надо искать руку.

Начальство на такие сравнения реагировало по-разному. Кто-то усмехался. Кто-то говорил, что для начала неплохо бы поймать хотя бы один ноготь. Глебов не спорил. Он продолжал собирать фамилии и телефоны. Его раздражала не осторожность преступников. Осторожность была частью их ремесла. Его раздражало, что схема держалась на обыкновенных людях, каждый из которых считал свой кусок незначительным.

Один только нашёл паспорт. Другой только сделал вклейку. Третий только снял с машины устройство. Четвёртый только доехал до моря. Пятый только познакомил нужных людей. Если выслушать каждого отдельно, получалось, что автомобиль исчез сам. Наружное наблюдение добавило к голосам лица. Один фигурант вышел из дома и весь день никуда не поехал. Другой сменил две машины и три кафе. Месропян мог часами кататься по Москве с подельником, останавливаться на несколько минут, передавать пакет и снова исчезать в потоке.

Глебов учился его ритму. Он знал, где Арсен любит встречаться, когда становится осторожнее, кому звонит после разговоров с югом. Внешне в этом не было ничего героического: кабинет, наушники, холодный кофе, короткие доклады от наблюдения. Но именно так невидимый канал понемногу обретал форму. Однажды на записи прозвучала фраза: «Беслан ждёт». Имя сказали без пояснений. Месропян ответил, что людей пока нет, а документы будут. Глебов поставил запись снова.

— Кто такой Беслан? — спросил Женя.

— Пока никто.

— А потом?

— Потом посмотрим, кто ему так торопится угодить.

В тетради появилась новая строка. Рядом Глебов поставил знак вопроса и подчеркнул его дважды. К вечеру в кабинете стало душно. Глебов открыл окно, но с улицы потянуло выхлопом. Москва шумела внизу и не подозревала, что где-то среди её машин уже едут те, которым скоро поменяют биографию. Телефон на столе завибрировал. Жена написала: «Ты сегодня будешь?» Он сверился со временем, потом снова вернулся к разложенным листам. «Буду поздно», — ответил он.

Это была самая частая семейная ложь оперативника. Он действительно придёт, только слово «поздно» для семьи и для уголовного розыска означало разное. Дома его ждали ужин, разговоры, обычная жизнь. Здесь — похищенные автомобили, Арсен Месропян и пока ещё безликий Беслан на другом конце дороги. Чтобы увидеть эту дорогу с другой стороны, нужен был человек на юге. И не просто сотрудник с должностью. Нужен был тот, кому можно доверять.

* * *

Первое время Глебов не называл это группой. Слово «группа» требует от оперативника осторожности. Его легко произнести на кухне, в коридоре, в разговоре с коллегой, но трудно потом доказать в материалах. В деле нельзя написать: «чувствовалось, что люди связаны». Нужно показать, кто кому звонил, кто кого встречал, кто передавал документы, кто искал водителя, кто ремонтировал машину, кто ждал её на юге и почему всё это не совпадение. Поэтому сначала он называл это направлением. Южное направление.

На карте оно выглядело почти красиво: Москва, трасса, Краснодарский край, побережье, дальше — тонкая линия к границе. Но красота исчезала, когда рядом с каждой точкой появлялась фамилия потерпевшего и стоимость машины. Для одного человека автомобиль был бизнесом. Для другого — семейной покупкой. Для третьего — единственным способом зарабатывать.

В кабинет заходили владельцы прокатных машин. У каждого была своя интонация беды. Кто-то злился и требовал немедленно «найти и посадить». Кто-то говорил тихо, будто стеснялся, что его обманули. Кто-то пытался сначала объяснить, какой хороший был автомобиль,

как будто качество кожи в салоне могло убедить полицию работать быстрее. Глебов слушал всех одинаково внимательно.

Он знал: потерпевший почти всегда приносит в отдел не только заявление, но и чувство собственной глупости. Ему кажется, что он сам виноват, не проверил паспорт, поверил голосу, поставил подпись, отдал ключи. Хороший оперативник не должен усиливать это чувство. Ему нужно забрать у человека факты и оставить ему хотя бы остаток достоинства.

— Когда последний раз видели машину?

— Кто звонил?

— Какой номер оставлял?

— Камеры на стоянке есть?

Вопросы повторялись. Ответы начинали складываться в рисунок. Разные люди, разные прокаты, разные автомобили — и одна манера исчезновения. Машину брали уверенно, без грубой суеты. День-два держали связь. Потом начинались обещания, переносы, выключенные телефоны, чужие голоса, а дальше — пустота. Пустота всегда тянулась на юг.

Именно это раздражало Глебова больше всего. Не сам факт хищения — к хищениям он привык давно. Раздражала наглость маршрута. Люди не прятали машину в соседнем гараже, не разбирали её в Подмоскowie, не спешили перебить номера за ночь. Они брали дорогой автомобиль и ехали через половину страны так, будто дорога уже принадлежит им.

В какой-то момент он повесил на стену карту и стал отмечать не только машины, но и время: когда взяли, когда вышли из Москвы, где последний звонок, когда могла быть остановка, когда автомобиль растворялся окончательно. Женя Краснов однажды посмотрел на эту карту и сказал:

— Выглядит так, будто мы ловим не людей, а реку.

— Реку тоже можно перекрыть, — ответил Глебов.

— Плотиной?

— Нет. Сначала понять, где исток.

* * *

Через несколько недель карта перестала помещаться на одном листе. Глебов снял со стены старую ориентировку, освободил место над столом и повесил большой лист. Не документ для дела, не справку для начальства, а рабочую схему, которую можно было видеть целиком. На ней не было красивого дизайна. Были цветные блоки, толстые стрелки, фотографии, фамилии, клички, короткие пояснения и пустые места, раздражавшие сильнее заполненных.

Сверху он написал общую формулу, почти сухую, как в служебной справке: организованная группа, криминальный автобизнес, Москва и другие регионы. Ниже — то, что за этой формулой пряталось. Слева появились заказчики-одиночки: люди, которым нужна была конкретная машина, конкретная модель, конкретный цвет, иногда даже комплектация. Справа — заказчики от группы, те, кто работал уже не под один автомобиль, а под поток. В центре Глебов оставил большой прямоугольник: организатор. Не фамилию. Не лицо. Функцию.

Пока фамилия не доказана, функция иногда честнее. Фамилию можно заменить, человек может уйти, спрятаться, отказаться от слов, но функция остаётся: кто соединяет заказчика с исполнителем, кто подбирает документы, кто платит водителю, кто решает, где машина исчезнет с камер и где снова появится уже другой. От центрального блока вниз уходили две толстые линии.

Одна — к группе перегона и доставки. Там были водители, люди на трассе, те, кто принимал автомобиль у Москвы и тянул его на юг. Рядом Глебов отметил возможные способы перемещения: своим ходом, автовозом, транспортной компанией, железной дорогой. Схема не должна была быть красивой. Она должна была не дать забыть, что преступный канал умеет менять способ, если перекрыть один путь.

Вторая линия шла к группе подготовки. Там были паспорта, водительские удостоверения, люди, которые подбирают лица под документы, те, кто арендует машину под чужим именем, кто говорит у стойки проката спокойным голосом и делает вид, что всё законно.

Отдельно Глебов выделил блок сокрытия: гаражи, демонтаж спутникового оборудования, изменение номерных обозначений, подготовка к дальнейшей легализации. Этот блок был особенно важен. Он показывал, что машина не просто уезжает. Её разбирают как личность: снимают сигнал, меняют признаки, прячут происхождение, подготавливают к новой биографии. Женя Краснов долго смотрел на лист.

— Получается завод.

— Хуже, — сказал Глебов. — Завод хотя бы отвечает за продукцию.

— А это?

— Это конвейер без таблички на воротах.

Санёк Кувшинов прикрепил рядом несколько фотографий. Лица смотрели со стены по-разному: кто-то нагло, кто-то испуганно, кто-то с той пустой бытовой серьёзностью, с которой люди фотографируются на документы и не думают, что однажды их снимок окажется в чужой схеме. Глебов взял красный маркер и провёл линию от заказчиков к организатору. Потом от организатора — к водителям. Потом к документам. Потом к гаражам. На стене возникла не просто преступная группа. Возник механизм.

И именно тогда Глебов окончательно сформулировал для себя задачу: не поймать человека за рулём, а остановить механизм. Потому что если механизм остаётся целым, он найдёт нового водителя, нового мастера, новую женщину с лампой и клеем, нового посредника с телефоном. Он долго смотрел на центральный блок. Организатор. Пустой прямоугольник раздражал сильнее любой фотографии.

Тогда он ещё не знал всех фамилий. Но уже понимал главное: если ловить только тех, кто сидит за рулём, маршрут будет жить. Один водитель исчезнет, другой сядет. Один испугается, другой возьмёт деньги. Ногти на преступной руке будут отрастать снова. Глебову нужна была не очередная удачная задержка. Ему нужна была рука.

Глава 2. Рекомендация

Москва — Краснодар, первый разговор

Человека для южной работы Глебов искал дольше, чем первого перегонщика. Перегонщик оставлял следы. Покупал билет, появлялся у проката, садился в автомобиль, попадал на камеры, звонил координатору. Даже если фамилия была чужой, поступки оставались его собственными. С надёжным оперативником всё было сложнее. Должность ничего не гарантировала. Хорошая характеристика тоже. Служебная бумага могла определить подразделение и исполнителя, но не отвечала на главный вопрос: кому можно сегодня назвать фамилию фигуранта и не обнаружить завтра, что тот сменил телефон, квартиру и привычки.

Глебов не записывал всех южных сотрудников в продажные. Такая мысль была бы и глупой, и несправедливой. Он знал другое: в небольшом городе расстояние между полицейским и подозреваемым иногда измеряется не улицами, а одним знакомым. Кто-то вместе учился. Кто-то женат на дальней родственнице. Кому-то когда-то помогли устроить сына. Кто-то каждую пятницу сидит за соседним столом.

Человек мог не брать денег и всё равно однажды сказать лишнее — из дружбы, из вежливости, из желания предупредить хорошего знакомого, чтобы тот не попал в беду. Для разработки результат был одинаковым. На столе у Глебова уже лежали первые материалы по южному направлению. Пока это были разрозненные листы: машины, прокаты, неизвестные номера, несколько фамилий и маршрут, который слишком часто заканчивался у абхазской границы. Чем яснее становилась дорога, тем сильнее он понимал: из Москвы эту работу не вытянуть.

Нужен был человек, который видел юг изнутри. Не проводник и не исполнитель московских поручений. Полноценный оперативник, способный сам принимать решения, проверять информацию и отвечать за людей, которых подключает. И главное — способный молчать. Глебов несколько дней перебирал знакомых. Можно было обратиться в краснодарский главк официально и получить фамилию по начальственной линии. Можно было позвонить в сочинский розыск. Можно было разослать ориентировки и ждать ответов.

Каждый из этих путей расширял круг посвящённых раньше, чем появлялось дело, ради которого стоило рисковать. Вечером он достал личный телефон и нашёл номер старого знакомого из Федеральной службы охраны. Тот много лет работал в Краснодарском крае и отвечал за безопасность серьёзных объектов и людей. По должности ему приходилось знать не только руководителей, но и тех, кто реально способен работать на земле. Глебову не нужны были от него базы, справки или чужие секреты. Нужна была рекомендация.

Он вышел из кабинета в пустой коридор. Разговор такого рода лучше вести без чужих ушей, даже если в нём нет ничего запрещённого. Знакомый ответил не сразу.

— Виталий? Давно не звонил.

— Значит, всё было спокойно.

— У тебя спокойно не бывает. Что случилось?

— Мне нужен человек.

— Это я уже понял.

— Из краснодарского уголовного розыска. Сильный оперативник. По машинам.

— Машин в крае много.

— Эти приезжают из Москвы и уходят в Абхазию.

Собеседник замолчал. Тема его не удивила. Скорее наоборот.

— Что у тебя есть?

— Пока маршрут и несколько людей. Заказчики, похоже, за границей. Организатор в Москве. Между ними Сочи и Краснодарский край.

— Официально обращался?

— Обращусь. Но сначала хочу понимать, с кем буду работать.

— Что именно тебе нужно от человека?

За закрытыми дверями кабинетов продолжалась обычная работа.

— Чтобы умел работать с оперативными материалами. Чтобы не ждал команды на каждый шаг. И чтобы после первого разговора мои фигуранты не узнали о нём раньше меня.

— Скромный список.

— Другого нет.

Знакомый не стал обещать перезвонить через пять минут.

— Дай подумать. Я должен рекомендовать не должность, а человека.

— Поэтому тебе и звоню.

Глебов вернулся в кабинет. На экране компьютера оставалась таблица с автомобилями. Он закрыл её и поехал домой. Дома все уже спали. На кухне стояла тарелка под другой тарелкой — простая домашняя крышка, которую не предусмотрел ни один производитель посуды. Глебов поел холодным, хотя микроволновка была рядом. Не хотелось шуметь. Жена вышла в коридор, сонная, в халате.

— Ты только пришёл?

— Только.

— Опять машины?

Он кивнул. Она давно перестала спрашивать подробности. Если Глебов мог рассказать, рассказывал сам. Если не мог, вопрос заставлял его лишь ещё раз промолчать.

— Завтра рано?

— Как обычно.

— У тебя «как обычно» каждый раз разное.

Она ушла спать. Глебов остался у окна с телефоном на столе. Сообщение пришло утром. В нём были имя, номер и короткая фраза: «Роман Асланов. Можешь доверять». Глебов перечитал её дважды. Слово «доверять» до знакомства звучало для него преждевременно. В розыске доверие нельзя передать вместе с телефонным номером. Его подтверждают поступками, иногда месяцами. Но человек, приславший рекомендацию, пустыми словами не разбрасывался. Глебов набрал номер.

— Асланов, — ответили после второго гудка.

Голос был молодой, быстрый и настороженный.

— Роман, добрый день. Виталий Глебов, московский главк. Вам должны были сказать, что я позвоню.

— Сказали. По автомобилям?

— По ним.

— Слушаю.

Первый разговор двух оперативников редко бывает откровенным. Каждый говорит достаточно, чтобы другой понял тему, но не настолько много, чтобы потом пожалеть. Глебов обозначил направление: московские прокаты, поддельные документы, водители с юга, машины, исчезающие в сторону Абхазии. Не назвал всех установленных людей и не стал пересказывать материалы. Роман не обиделся на осторожность.

— По Москве у нас тоже кое-какая информация была, — сказал он. — По отдельным угонщикам. Но там больше разговоров, чем результата.

— Конкретные люди?

— Были фамилии. Проверяли. Нормальной разработки не получилось.

— Значит, туда пока не лезем.

— Согласен. У вас кто?

Глебов назвал одну фамилию. Потом вторую. В трубке стало тихо. Слышался только шум машины: Роман разговаривал откуда-то с дороги.

— Один знаком, — сказал он наконец. — Не лично. По информации. Крутится между Москвой, Краснодаром и Сочи. Может перегонять.

— Проверить сможете?

— Смогу. Вопрос — через кого.

Глебову понравился ответ. Не «завтра привезу его к вам» и не «здесь всё решим». Нормальный вопрос оперативника, который знает: иногда способ проверки важнее самой проверки. Если пустить фамилию по широкому кругу, человек узнает о разработке раньше, чем появится первый документ.

— Через тех, за кого отвечаете лично, — сказал Глебов. — Остальных пока не посвящаем.

— Так и сделаем.

Они начали сопоставлять то, что было у каждого. Роман видел южную часть: водителей, связи на побережье, поездки в Абхазию. Глебов видел московскую: прокаты, телефоны, документы, людей, которые подбирали автомобили и готовили их к отправке. Две неполные картины начали накладываться друг на друга.

Сначала они говорили о нескольких возможных угонщиках. Эта линия никуда не привела и постепенно отпала. Зато всё чаще повторялись другие связи — краснодарские, сочинские, абхазские. Не огромный преступный мир вообще, а конкретная группа со своими водителями и своим маршрутом.

— Вот на них и закрепимся, — сказал Глебов. — Не будем хватать всё подряд.

— Правильно. Иначе утонем в фамилиях.

Они проговорили почти час. Роман не обещал невозможного. Он перечислил, что можно проверить законно и тихо, какие силы понадобятся позже и где особенно опасна утечка. По речи чувствовалось: оперативно-розыскной материал для него не набор справок, а инструмент. Перед тем как закончить разговор, Глебов спросил:

— Роман, ещё один вопрос. Вам эта история зачем?

— Не понял.

— Москва далеко. Машины московские. Заказчик, скорее всего, вообще за границей. Можно ведь ответить на запрос и забыть.

Роман помолчал.

— Если они считают, что Краснодарский край — просто коридор, через который можно безнаказанно таскать похищенные машины, значит, это уже наша история.

Ответ был красивым, а красивым ответам Глебов доверял меньше всего. Он доверял тому, что происходило после них. В следующие дни никто из названных людей не исчез. Телефоны продолжали работать. Водители не отменили поездки. По южным знакомым не пошли осторожные вопросы о том, почему Москва вдруг заинтересовалась их делами. Роман перезвонил только тогда, когда у него появилось что сказать.

— Виталий, ваш человек действительно ездит. И не один раз. Есть ещё одна связь. Похоже, над водителями стоит кто-то в Сочи, а над ним — человек из Абхазии.

— Имя есть?

— Пока только имя. Проверю — скажу.

— Не торопитесь.

— Я и не тороплюсь.

После разговора Глебов записал номер в рабочий телефон. Без должности и звания. Просто: «Роман. Юг». Через несколько месяцев это имя будет стоять почти на каждом листе работы. А пока между ними оставалось полторы тысячи километров, две незнакомые интонации и первое доказательство того, что рекомендация оказалась точной: после их разговора ничего не утекло.

Глава 3. Роман Асланов

Краснодарский край

Романа Асланова рекомендовали Глебову как человека с чистой репутацией. Сам Роман к таким словам относился настороженно. Репутация оперативника складывается не из того, что о нём говорят друзья. Гораздо важнее, что говорят преступники, которым он отказал, и коллеги, рядом с которыми пришлось работать в тяжёлый момент.

Он был молод, энергичен и плохо умел делать вид, что занят, когда работы не было. Зато когда она появлялась, мог сутками жить между кабинетом, машиной и очередным адресом. Оперативно-розыскные материалы он знал не по названиям мероприятий, а по их возможностям. Понимал, что может дать телефон, чего не даст наружное наблюдение и почему одна правильно оформленная мелочь иногда стоит десятка красивых рапортов. После первого разговора с Глебовым Роман не стал созывать совещание.

Чем больше людей слушают фамилию в начале разработки, тем выше вероятность, что к вечеру её услышит сам фигурант. На юге информация передавалась быстро. Иногда быстрее служебной машины. Роман начал один.

Утром он приехал в управление раньше обычного. В коридорах ещё пахло влажной тряпкой после уборки, дежурный пил чай из гранёного стакана, за окном серел город, который через несколько часов станет курортным: пробки, солнце, люди с сумками, раздражённые водители такси. Роман прошёл в кабинет, включил компьютер и не стал открывать общую переписку. Сначала — только свои записи.

Начинать разработку с громкого слова «группа» Глебов избегал. Это слово слишком удобно. Стоит произнести его вслух, и люди начинают видеть связь даже там, где есть только соседство. Южный криминальный мир был тесным, но теснота ещё не доказывала сговор. Здесь многие знали друг друга, здоровались, помогали, ругались и снова мирились. Надо было отделить бытовое знакомство от преступной цепи.

На первом листе Роман написал: «Москва — прокат — водитель — Сочи — Абхазия». Потом поставил между словами большие промежутки. Каждый промежуток требовал доказательства. Если хотя бы один останется пустым, вся линия в суде превратится в предположение. Он позвонил одному человеку, потом второму, потом третьему. Разговоры были короткими. Никаких фамилий без необходимости. Никаких объяснений, что именно ищет Москва. Вопросы звучали так, будто речь шла о старой проверке, а не о новой разработке.

— Видел такого?

— Ездит?

— На чём?

— С кем держится?

— Не спрашивай зачем. Просто вспомни.

Он проверил две фамилии, которые назвал Глебов. Не пытался сразу доказать московскому коллеге свою полезность и не стал подгонять факты под готовую версию. Одна фамилия вывела на старые разговоры, в которых было много подозрений и мало содержания. Вторая оказалась интереснее: поездки между Сочи и Москвой, связи с Абхазией, автомобили, не соответствующие официальным доходам, и слишком свободный образ жизни для человека без понятной работы. Этого было недостаточно, чтобы кого-то задерживать. Но достаточно, чтобы продолжить.

Роман открыл чистый лист и разделил его пополам. Слева написал то, что подтверждалось. Справа — то, что пока существовало только в разговорах. Слева быстро появились поездки, номера телефонов, автомобили и контакты. Справа — заказчики, граница, похищенные машины и фамилия человека, которого называли влиятельным в Абхазии. Оперативная

работа начиналась с того, чтобы постепенно переносить сведения справа налево. Роман позвонил Глебову ближе к вечеру.

— По первому человеку пусто, — сказал он. — По второму есть движение.

— Какое?

— Москва, Сочи, Абхазия. Регулярно. Работы, которая объясняла бы поездки, не вижу.

— С кем общается?

— Есть люди на побережье. Пока фамилии проверяю.

— Не торопитесь.

— Виталий, если бы я торопился, уже рассказал бы вам, что раскрыл всё дело.

Глебов усмехнулся.

— Справедливо.

Они договорились о простом правиле. Каждый сообщает только то, что видит на своей территории и может отделить от слухов. Москва не командует югом. Юг не пытается объяснить Москве, как вести наблюдение за её фигурантами. Общая схема складывается между ними. Это правило сэкономило им много времени и нервов.

Роман хорошо понимал местную среду. Сочи для туриста состоял из моря, пальм и гор. Для оперативника — из маршрутов, знакомств и чужих глаз. Здесь человек мог утром работать в государственном учреждении, днём помочь родственнику, а вечером оказаться за одним столом с тем, кого завтра будут разрабатывать.

Город умел притворяться лёгким. Днём он блестел витринами, вывесками кафе и морем между домами. Ночью становился другим: парковки у ресторанов, дорогие машины без понятной истории, короткие встречи у мойки, разговоры в полголоса возле заправок. Турист видел отпуск. Опер видел точки контакта.

Роману приходилось держать в голове сразу несколько слоёв города. В одном люди покупали детям мороженое и спорили о цене номера в гостинице. В другом те же улицы служили коридором для перегонщиков, которые не должны были встречаться с лишним экипажем ДПС и не должны были задерживаться дольше нужного.

Он знал, где можно поговорить спокойно, а где лучше не произносить фамилию даже в машине. Знал, какой сотрудник выполнит поручение и не станет вечером рассказывать об этом знакомому. Знал, кто слишком любопытен, кто слишком болтлив, а кто просто устал и потому опасен не меньше продажного.

В группе, которой заинтересовались Глебов и Асланов, были особенно опасные связи. Родственники и знакомые фигурантов находились в разных учреждениях. Жена одного из них работала в сочинской судебной системе. Это не доказывало её участия в преступлениях, но заставляло осторожнее относиться к любой бумаге и любой фамилии, появившейся раньше времени. Роман не говорил, что никому на юге нельзя доверять. Он говорил точнее:

— Доверять можно конкретному человеку в конкретной задаче.

Широких поручений он не раздавал. Одному сотруднику давал проверить автомобиль. Другому — адрес. Третьему — поездку. Полную картину держал у себя и у Глебова. В обычной жизни такая скрытность выглядела бы болезненной подозрительностью. В разработке она была способом довести работу до конца. Свободного времени стало ещё меньше. Телефон мог зазвонить во время ужина, в дороге или глубокой ночью. Близкие Романа знали: если он посмотрел на экран и вышел разговаривать, спрашивать, когда вернётся, бессмысленно. Он и сам не знал.

Однажды после позднего звонка он просидел в машине у дома почти час. Двигатель был заглушён, окна постепенно покрывались влагой. На коленях лежал блокнот, в котором он соединял фамилии стрелками. На экране телефона несколько раз появлялось короткое сообщение от близких: «Ты поднимешься?» Роман каждый раз собирался ответить и снова смотрел

в блокнот. Написать «сейчас» означало соврать. Написать «не знаю» — заставить ждать уже не человека, а неизвестность. Он набрал: «Не ждите. Я ещё поработаю».

Свет в окне погас. Роман остался в тёмной машине один. Оперативная работа забирала время не крупными кусками, которые можно заметить и защитить. Она брала по двадцать минут после ужина, по часу возле дома, по одной недоговорённой фразе перед сном. В рапортах эти потери не отражались. Там оставались только результаты проверок. Роман включил салонную лампу и вернулся к фамилиям. Два водителя выходили на одного сочинского координатора. Координатор связывался с человеком в Абхазии.

Из Москвы в те же дни двигались автомобили, полученные через прокатные организации. Совпадений становилось слишком много. Роман поднял дорожный комплекс, который в рабочих материалах называли «Горизонтом». Система не показывала готовый маршрут и не отвечала, кто сидит за рулём. Она давала отдельные кадры: автомобиль вошёл в край, появился у развязки, прошёл следующий участок, исчез между двумя камерами. Каждый такой кадр был всего лишь точкой, а между точками оставались десятки километров обычной дороги.

На экране машины выглядели одинаково незащитными: белый капот под солнцем, серый кузов в сумерках, фары, размазанные дождём. Но Роман учился различать их как лица. Маленькая вмятина на крыле. Наклейка на стекле. Чуть другой оттенок бампера. Положение номера. Если номер потом снимут или заменят, эти мелочи останутся.

Он увеличивал кадр до зерна, откидывался на спинку стула, снова приближал. Иногда казалось, что вся работа сводится к бессмысленной игре в отличие картинок. Потом одна такая картинка связывала Москву, трассу и сочинскую мойку крепче любого уверенного рассказа свидетеля. В такие часы оперативник особенно ясно понимает цену терпения. Нельзя заставить камеру снять лучше. Нельзя перемотать дорогу назад. Можно только раз за разом сравнивать, записывать, проверять и ждать, когда одна мелочь совпадёт с другой.

Он раскладывал снимки по времени, сравнивал номера, цвет, повреждения кузова и направление движения. Потом поднимал телефонные соединения: кто в эту минуту звонил из Москвы, кто ждал в Сочи, чей аппарат двигался вдоль той же трассы. Там, где машина исчезала из системы, начиналась работа людей — наблюдателей, инспекторов и тех, кто мог запомнить лицо водителя.

Через несколько ночей одна линия сложилась почти целиком. Московский автомобиль прошёл край, задержался у побережья и ушёл к Адлеру. В те же часы один из известных Роману водителей отвечал коротко и раздражённо, будто разговаривал за рулём. Этого всё ещё было мало для уголовного дела, но достаточно, чтобы перестать считать южные фамилии случайными попутчиками.

Глебову Роман отправил не вывод, а последовательность отметок. Рядом написал: «Машина подтверждается. Водитель — требует проверки». Именно эта осторожная приписка убедила Глебова сильнее любой уверенной речи. Асланов не продавал версию. Он строил её так, чтобы позднее она выдержала чужие вопросы. Утром Роман встретился с гражданским помощником по имени Кирилл.

Кирилл не служил в полиции. Он просто хорошо знал местные круги и умел находиться рядом, когда люди начинали говорить лишнее. Такие помощники полезны, пока оперативник помнит: их слова — направление для проверки, а не готовое доказательство. Они сели в небольшом кафе возле трассы. Роман положил телефон экраном вниз.

— Фамилия знакомая?

Кирилл взял записку ближе к свету.

— Конечно.

— Чем занимается?

— Ездит.

— Все ездят.

— Этот — между Москвой и Сочи. Иногда дальше.

— Работает где?

— Везде понемногу. Значит, нигде.

— Кто над ним?

Кирилл сделал глоток кофе и оглянулся. Не испуганно — по привычке.

— Алхас Пхарадзе. Он водителей собирает и контролирует.

Имя было новым. Роман записал его без комментариев.

— А над Пхарадзе?

— Там уже Абхазия.

— Имя.

— Беслан Тарба.

— Кто он?

Кирилл пожал плечами.

— Не водитель. Водители привозят ему.

— Машины?

— То, что он заказывает.

Роман не стал расспрашивать о слухах, связях и громких знакомых Тарбы. Всё это могло быть правдой, преувеличением или способом набить человеку цену. Для начала хватало одного: впервые появилась последовательность от водителя до возможного заказчика. Он позвонил Глебову прямо из машины.

— Виталий, у нас появился сочинский координатор. Алхас Пхарадзе. И есть имя в Абхазии — Беслан Тарба.

— Проверено?

— Нет. Пока источник.

— Значит, фамилии пишем карандашом.

— Уже.

Вскоре Глебов впервые прилетел в Сочи по этой разработке. До этого они знали друг друга только по голосу. Роман встретил его без длинных приветствий. Положил в багажник сумку, сел за руль и сразу начал докладывать обстановку.

— Здесь лучше никому заранее не говорить, куда едем, — сказал он. — Даже своим сообщаем только их кусок.

— Настолько всё плохо?

— Настолько всё близко.

Они ехали по побережью. Справа между домами появлялось море, слева поднимались зелёные склоны. Курорт жил своей жизнью: кафе, гостиницы, такси, туристы с чемоданами.

— Красиво, — сказал Глебов.

— Красиво, — согласился Роман. — Только мы будем смотреть не туда.

Для совместных мероприятий он обеспечивал то, что Москва не могла привезти с собой: местное наблюдение, техническую поддержку, надёжных сотрудников, силовую группу. Позднее, когда понадобятся обыски и задержания, Роман будет находить людей, транспорт и СОБР, не раскрывая лишним участникам всей картины. Но в ту первую поездку никаких задержаний ещё не было. Были две фамилии, несколько водителей, маршрут к границе и ощущение, что они наконец смотрят не на отдельные автомобили, а на работающий канал.

Москва видела, кто готовил машину. Юг начинал понимать, кто её встречал и кому она предназначалась. Впервые две половины маршрута складывались в одну дорогу.

Глава 4. Привязка

федеральная трасса

Одну из машин они могли потерять по совершенно законной причине: её ещё никто не объявил похищенной. Автомобиль выехал из Московского региона на юг. За рулём находился человек, связанный с группой. Глебов видел подготовку поездки по разговорам и наблюдению. Знал, у кого водитель получил машину, с кем связывался по дороге и куда должен был приехать. Но знания оперативника и основания для задержания — не одно и то же.

На бумаге всё выглядело спокойно. Автомобиль передали по договору. Срок пользования ещё не закончился. Владелец не обращался в полицию и, возможно, всё ещё рассчитывал получить деньги. Машина не стояла в розыске. Водитель имел документы и двигался по обычной федеральной трассе. Можно было понимать весь замысел и всё равно не иметь права остановить его как преступника. Глебов позвонил Роману.

— Наш человек идёт на юг.

— Вижу, — ответил Роман.

— Заявления нет.

— Проверил. В розыске машина тоже не стоит.

— Если сейчас уйдёт, потом скажет, что никогда за рулём не сидел. Машину передали другому, документы видел впервые, а на юге вообще был у родственников.

— Значит, надо привязать.

В уголовном розыске слово «привязать» не означало придумать вину. Оно означало зафиксировать то, что происходило на самом деле: конкретного человека, конкретный автомобиль, конкретное место и время. Роман связался с дорожными инспекторами на одном из постов в Краснодарском крае. Он выбрал сотрудников, которым доверял, и объяснил задачу коротко.

— Автомобиль остановите в общем порядке. Документы проверьте внимательно. Если реальное нарушение есть — оформляйте. Ничего выдумывать не надо. Но предупреждением не отпускайте.

— А что за машина?

— Пока обычная. Нам нужно, чтобы обычной она осталась и в ваших документах.

Ожидание заняло несколько часов. Глебов находился в Москве и следил за движением по поступающей информации. Роман контролировал южный участок. Сам водитель не знал, что два управления уже считают километры вместе с ним. На посту было холодно и ветрено. Инспекторы останавливали машины, проверяли документы и снова отпускали поток. Нужная иномарка появилась ближе к вечеру. Жезл поднялся.

Водитель прижался к краю, опустил стекло и протянул документы. Он держался спокойно. За плечами была большая часть дороги, впереди — Краснодарский край и человек, которому следовало передать автомобиль. Инспектор сверил фамилию, осмотрел машину и обнаружил мелкое нарушение. Позднее Глебов уже не мог уверенно вспомнить, что именно: ремень, огнетушитель или другая обязательная дорожная мелочь. Для истории это не имело значения. Нарушение существовало и подлежало оформлению.

— Сейчас постановление составим, — сказал инспектор.

Водитель сразу изменился. Сначала попытался перевести всё в шутку. Потом заговорил по-дружески. Когда не помогло, предложил деньги — значительно больше возможного штрафа.

— Командир, зачем бумагу портить? Давайте я вас отблагодарю, и разъедемся.

Инспектор вернул ему документы не все.

— Из машины выйдите. Оформим как положено.

— Я же нормально предлагаю.

— А я нормально отказываюсь.

Водитель ещё несколько раз пытался договориться. Инспектор денег не взял. Заполнил документ, указал данные водителя, марку автомобиля, место и время остановки. Водитель поставил подпись. Так появилась привязка. Обычный дорожный документ ушёл в информационные базы. Пока он не доказывал хищение. Он доказывал другое, не менее важное: этот человек в этот день управлял именно этим автомобилем и двигался на юг. После оформления водителю вернули документы. И отпустили.

Это была самая неприятная часть операции. Роман видел машину, которую группа, вероятнее всего, собиралась увести через границу. Глебов понимал то же самое. Но ни один из них не имел права заменить доказательства уверенностью. Автомобиль снова вышел на трассу и растворился в потоке.

— Прошёл пост, — сообщил Роман.

— Протокол есть?

— Есть. Инспектор всё оформил. И от денег отказался.

— Много предлагал?

— Достаточно, чтобы человек потом долго вспоминал, почему не взял.

Глебов помолчал.

— Передайте ему спасибо.

— После дела. Сейчас меньше людей должно знать, за что именно.

Спустя некоторое время автомобиль действительно оказался утрачен владельцем. Появилось заявление, начались процессуальные решения, машина получила официальный статус похищенной. Тогда неприметный дорожный документ изменил значение. Теперь это был не просто штраф за мелкое нарушение. Он опровергал возможные слова перегонщика о том, что тот не видел машину и не имел отношения к её пути на юг. Глебов положил копию рядом с материалами наблюдения и телефонными соединениями. Отдельно каждый документ говорил мало. Вместе они складывались в маршрут.

Москва показывала, где водитель получил автомобиль. Дорожный протокол фиксировал его на трассе. Южные материалы устанавливали, кому машина была передана дальше. Записи с границы и последующие проверки завершали цепочку. Так работала оперативная разработка: не один великий документ, после которого всё становилось ясно, а десятки небольших фактов, поставленных в правильном порядке.

— Вот за это я люблю ДПС, — сказал Глебов, рассматривая копию.

— Им не говорите, — ответил Роман. — Расслабятся.

Они засмеялись. В розыске редко смеются над тем, что действительно весело. Чаще — когда напряжение на несколько секунд отпускает. После этого эпизода Глебов ещё внимательнее слушал московского координатора Арсена Месропяна. Тот покупал телефоны и сим-карты, искал людей, заказывал документы, разговаривал с прокатчиками, связывал водителей с мастерами и старался никогда не произносить всю фразу целиком. Но человеку трудно постоянно говорить шифром, особенно когда он одновременно решает десять вопросов.

Один разговор давал имя. Второй — место встречи. Третий — женщину, к которой везли фотографию. Четвёртый — водителя, уже собиравшегося лететь из Сочи в Москву. На юге Роман проверял людей и поездки. В Москве Глебов собирал вокруг Месропяна исполнителей, документы, прокаты и телефоны. Постепенно стало ясно: Арсен был главным организатором московской части, но не конечным заказчиком. Однажды вечером Роман позвонил:

— Месропян снова связывался с югом. Нужна конкретная машина.

— Кому?

— Заказ идёт к Тарбе.

Перед Глебовым снова была схема на стене. Они уже могли взять отдельных исполнителей. Могли задержать водителя, провести несколько обысков и отчитаться о раскрытых эпизодах. Но канал пережил бы такие задержания. На место одного водителя пришёл бы другой. Вместо одного паспорта изготовили бы следующий. Глебов провёл линию от Месропяна к Тарбе.

— Пока не берём, — сказал он.

— Согласен, — ответил Роман.

Протокол на посту доказал, что они могут проследить один автомобиль. Теперь нужно было доказать, кто запускает весь поток.

Глава 5. Старое Баку

Москва, линия координатора

Арсен Месропян любил кафе, где официанты запоминали лицо, но не задавали вопросов. «Старое Баку» подходило ему почти идеально. Там пахло жареным мясом, специями и крепким чаем. За соседними столами спорили о футболе, родственниках, деньгах и чужой неблагодарности. Любой отдельный разговор тонул в общем шуме. Арсен всегда садился лицом ко входу. Нападения он не ждал и опасным человеком себя не считал. Отсюда было видно, кто пришёл, кто опоздал и кто привёл с собой лишнего.

Внешне Арсен ничем не напоминал руководителя преступной группы. Обычная тёмная куртка, аккуратная обувь, часы без показной роскоши. Он говорил мягко и редко повышал голос. Умел попросить так, что собеседнику казалось: он не выполняет распоряжение, а помогает хорошему знакомому. На столе перед ним лежали два телефона. Один знали родственники и люди, перед которыми он изображал обычную жизнь. Второй звонил по работе, которую дома лучше было не объяснять.

Иногда рядом появлялся третий — совсем дешёвый, купленный на чужое имя и предназначенный для одного-двух разговоров. Арсен относился к таким трубкам как к одноразовой посуде: удобно, пока горячо, потом надо выбросить. Он не любил людей, которые привязывались к номерам, сохраняли лишние контакты и носили в кармане целую биографию преступной группы.

У него самого биографий было несколько. Для семьи — заботливый родственник, человек без постоянного графика, но с полезными знакомствами. Для исполнителей — спокойный координатор, который платит и требует. Для юга — московский решала, способный найти машину, документы и человека быстрее, чем другие успеют договориться о цене.

Самым опасным в нём была не жестокость. Жестокие люди часто шумят, пугают, демонстрируют власть. Арсен предпочитал тишину. Он мог улыбаться, пока отказывает, и говорить почти ласково, когда ставит человека в положение, из которого тот уже не может выйти без потерь. Он редко произносил слово «украсть». В его речи были другие глаголы: взять, оформить, перегнать, передать, закрыть вопрос. Слова не меняли сути, но помогали жить с ней.

Арсен не угонял автомобили своими руками. Не разбивал стёкла, не вскрывал замки и не сидел за рулём всю дорогу до моря. Именно это позволяло ему смотреть на водителей чуть свысока. Они, по его мнению, выполняли грубую работу. Он организовывал. Из Абхазии приходил заказ на определённую машину. Арсен находил человека, способного получить её в Москве. Договаривался о документах, подбирал прокатную организацию, связывал исполнителя с мастером, покупал телефоны и сим-карты, вызывал водителя с юга и контролировал дорогу.

Каждый участник видел только свою часть. Таксист знал, кому отдать чужой паспорт. Изготовительница документов знала, какую фотографию вклеить. Человек, шедший в прокат, знал, как его сегодня зовут. Мастер знал автомобиль. Перегонщик — адрес, где забрать ключи, и маршрут на юг. Всю последовательность знал Арсен. Именно это давало ему настоящую власть.

Власть эта держалась не на пистолете и не на должности. Она держалась на информации. Арсен знал, кто пьёт, кто проигрался, кто задолжал, кто хочет быстрых денег, кто боится вернуться домой без заработка. Он не тащил людей силой. Он просто появлялся в тот момент, когда человеку казалось, что есть лёгкий выход. Одному говорил: «Надо только съездить». Другому: «Тебя никто не увидит». Третьему: «Документы настоящие, не дрожи». Четвёртому: «Не задавай вопросов — меньше будешь знать».

Каждая фраза по отдельности звучала почти заботливо. Вместе они превращали человека в деталь механизма. Глебов потом, прослушивая эти разговоры, ловил себя на злости не от грубости Арсена, а от его будничности. Месропян не уговаривал людей совершить преступление как злодей в кино. Он разговаривал так, будто предлагает подработку на выходные.

Первым в кафе пришёл Иван Ковалевский. Он работал в такси, знал ночные стоянки, дешёвые гостиницы и людей, которым срочно требовались деньги. Для Арсена это означало ещё одно: Иван иногда приносил документы раньше, чем их владельцы успевали понять, где потеряли паспорт. Ковалевский сел, не снимая куртки, и положил на стол сложенную газету.

— Что там? — спросил Арсен.

— Посмотри потом.

— Я сейчас посмотрю.

Внутри лежал паспорт. Документ был настоящий и относительно свежий. Такие ценились выше подделок, изготовленных целиком. Владелец мог ещё считать, что потерял его сам, и не сразу обратиться в полицию.

— Откуда? — спросил Арсен.

Иван пожал плечами.

— Клиент оставил.

— Сам оставил?

— Он утром и себя-то не вспомнит.

Арсен перелистнул паспорт и задержался на фотографии.

— Молодой.

— Другого пока нет.

— Мне нужен от тридцати пяти.

— Ты возраст заказываешь, как размер обуви.

— Потому что мне человек должен подойти к документу. А не документ к любому человеку.

Он убрал паспорт во внутренний карман.

— На следующую машину пойдёшь сам, — сказал Арсен.

— Я документы привожу.

— Ты и в прокатах уже бывал.

— Это дороже.

— Всё у тебя дороже, когда риск становится твоим.

Ковалевский не отказался. Допил чай, получил деньги и ушёл, оставив решение висеть между ними. Арсен знал: когда комплект будет готов, Иван назовёт цену и войдёт в прокат под чужим именем. Он уже делал это раньше. Через полчаса появился мужчина, которого Арсен собирался использовать в прокате. Тот пришёл в костюме, тесном в плечах, и принёс фотографию.

— Ты зачем так оделся? — спросил Арсен.

— На документы же.

— На свадьбу ты оделся. В паспорте человек должен быть похож на человека, а не на жениха.

— Нормальная фотография.

Арсен взял снимок двумя пальцами и вернул.

— Нет.

— Что нет?

— Не подходит.

— Кому?

— Тебе. Когда станешь другим человеком.

Мужчина засмеялся. Арсен не поддержал.

- Пересними. Обычная одежда, спокойное лицо. И сегодня.
- А машина когда?
- Сначала появится человек, который её возьмёт. Потом машина.
- Я и есть человек.
- Пока ты жених.

Мужчина ушёл недовольный. Для Арсена он был не партнёром и не другом. В их кругу таких исполнителей называли по-разному, но смысл оставался один: человек предоставлял своё лицо или надевал чужую личность, получал автомобиль и передавал его дальше. Если его задерживали, Арсен говорил себе, что тот сам понимал риск. Это была удобная мысль. Она освобождала организатора от ответственности за всех, кого он подбирал. Первый телефон завибрировал. Звонила мать. Арсен дождался второго вибросигнала и ответил не сразу.

- Да, мам.
 - Ты где?
 - Работаю.
 - Ты всегда работаешь, когда не хочешь говорить.
 - Что случилось?
 - Ничего. Ты обещал заехать.
- Арсен потёр переносицу.
- Вечером буду.
 - Не обещай, если не знаешь.

Она отключилась раньше него. Для семьи Арсен был человеком занятым, но полезным. Он мог привезти лекарства, оплатить счёт, помочь с ремонтом, найти нужного мастера. Родственники привыкли, что у него повсюду знакомые и почти на любой вопрос есть номер телефона. Никто не видел в этом преступной системы. Возможно, Арсен тоже долго её не видел.

Преступление редко начинается с фразы: «Я стану преступником». Сначала человек один раз знакомит двух людей. Потом передаёт деньги. Затем помогает достать документ. В какой-то момент таких услуг становится много, и оказывается, что без него вся цепочка остановится. Арсен не считал себя вором. Воры, по его представлению, ломали двери и пачкали руки железом. Он был посредником, диспетчером, человеком, который умеет решать вопросы. Он действительно решал их все.

Вечерами, когда разговоры затихали и кафе пустело, Арсен иногда задерживался за столом дольше нужного. Официант приносил счёт без просьбы, но не торопил. На улице мокрый асфальт отражал вывески, мимо проходили люди, которым завтра снова надо было на работу, к детям, в банк, в поликлинику. У каждого была понятная жизнь. У Арсена понятной жизни становилось всё меньше.

Он мог объяснить отдельный поступок. Паспорт — всего лишь бумага, которую всё равно кто-то потерял. Человек в прокате — взрослый, сам согласился. Машина — застрахована. Перегонщик — получил деньги. Южные — сами заказывают и сами отвечают за то, что происходит дальше. Но если соединить эти объяснения в одну линию, получался не бизнес и не помощь знакомым. Получался канал.

И где-то на другом конце этого канала сидел Беслан Тарба, который не спрашивал, удобно ли Москве, есть ли люди, готовы ли документы и насколько опасно стало работать. Он просто хотел конкретную машину. Второй телефон завибрировал.

- Да, — ответил Арсен.
- Фотографию привезли? — спросила Вера Лялева.
- Плохая.
- Тогда чего ты от меня хочешь?
- Сегодня переснимут.
- У тебя всё сегодня. А потом приезжаешь ночью и говоришь, что машина нужна утром.

— Вера, не начинай.

— Я не начинаю. Я заканчиваю то, что вы приносите недоделанным.

В преступном кругу её называли Чистоделом. Кличка была точной и почти профессиональной. Документ после неё должен был выглядеть не эффектно, а обычно. Настолько обычно, чтобы сотрудник за стойкой не задержал на нём взгляд. Арсен уважал Веру больше многих мужчин в группе. Она не хвасталась знакомствами, не просила взять её на серьёзную встречу и не рассказывала, сколько паспортов прошло через её руки. Она требовала оплату, нормальные фотографии и время. Последнего ей почти никогда не давали.

— Завтра привезу всё вместе, — сказал Арсен.

— Завтра поздно.

— Южные ждут.

— Пусть южные сами себе документы рисуют.

— Вера.

— Что Вера? Из плохого материала чистую работу не сделаешь.

Она отключилась. Арсен усмехнулся. Вера могла разговаривать с ним так, как не позволял себе ни один водитель. Она знала собственную ценность. Следующий звонок пришёл с юга.

— Слушаю.

Говорил Алхас Пхарадзе.

— Беслан спрашивал по машине.

— Я занимаюсь.

— Ему нужна не любая.

— Я помню.

Пхарадзе назвал модель, цвет и примерный год.

— Быстро надо, — добавил он.

— Быстро — это дороже.

— Деньги будут.

— Прошлый раз тоже говорили, что будут.

— Арсен, заказ от Беслана.

Месропян скользнул взглядом по залу. Официант нёс чай, за соседним столом громко смеялись, у входа мужчина помогал женщине снять пальто. Обычная московская жизнь.

— Хорошо, — сказал он. — Сделаем.

Звонок закончился. Почти сразу личный телефон показал банковское уведомление. Два перевода, отправитель — Беслан Тарба. Назначения платежа не было. Для банка это были обычные деньги между двумя людьми; для Арсена — сигнал, что заказ подтверждён и можно оплачивать документы, исполнителя, мастера и дорогу. Он быстро прикинул расходы. Часть уйдёт Вере, часть — водителю, отдельно получит мастер. Себе Арсен оставит то, что считал платой за организацию. Ни один участник не увидит всей суммы и не узнает, сколько заработали остальные.

Позднее Глебов найдёт эти переводы среди финансовых материалов. Они докажут связь Тарбы с Месропяном, но не ответят на главный процессуальный вопрос: за что именно перечислены деньги. Преступная схема умела прятаться даже внутри настоящей банковской операции. Теперь требовалось найти подходящий прокат, закончить документы, подготовить исполнителя, договориться с мастером и вызвать водителя с юга. Для каждого действия был отдельный человек и отдельный телефонный разговор. Арсен не записывал полный план. Он держал его в голове.

В течение следующего часа он сделал несколько звонков. Одному человеку сказал найти мужчину нужного возраста. Другому — проверить возможность взять определённую модель. Вере пообещал фотографию. Мастеру сообщил, что скоро появится работа. Пхарадзе подтвердил, что водитель готов прилететь в Москву. Ни в одном разговоре не прозвучала вся схема.

Но все разговоры проходили через Арсена. Он сидел в кафе, пил чай и двигал людей между Москвой, Сочи и Абхазией, будто переставлял фигуры на доске.

Только фигуры были живыми. А автомобили принадлежали людям, которые пока не знали, что их имущество уже заказано другим покупателем. Из кафе Арсен вышел не сразу. Сначала расплатился, постоял у стойки, поздоровался с двумя знакомыми и только потом надел куртку. На улице его ждал подельник на тёмном автомобиле.

Домой они не поехали. Сделали круг по району, остановились у круглосуточного магазина, перестроились через несколько полос и ещё долго катались по городу без понятной цели. Арсен несколько раз смотрел в зеркала, но не пытался обнаружить конкретную машину. Осторожность стала для него такой же привычкой, как садиться лицом ко входу.

Наружное наблюдение передавало его маршрут короткими докладами и меняло экипажи. Один автомобиль уходил, второй принимал Месропяна дальше. Арсен видел московский поток. Людей, которые держали его в этом потоке, он не видел. В тот вечер у него было преимущество: он знал весь собственный план. У Глебова было другое — возможность смотреть, как этот план проявляется в действиях.

* * *

В другом конце города Виталий Глебов слушал записи разговоров Месропяна. Сначала они казались бытовыми: фотография, деньги, встреча, документы, какой-то человек нужного возраста, водитель, который должен прилететь. Но Глебов уже знал контекст и видел, как отдельные фразы соединяются. На листе перед ним стояла фамилия Месропяна. От неё расходились линии к прокатам, изготовителям документов, мастерам, исполнителям и южным водителям. Арсен был главным в Москве.

Но в одном из разговоров он изменил голос, когда произнёс имя Тарбы. Не стал спорить, не перенёс срок и не предложил другую модель. Глебов подчеркнул: «Беслан». Месропян управлял московской частью. Кто-то управлял им.

* * *

Позже, разбирая записи и встречи Месропяна, Глебов всё чаще видел не эффектную «воровскую» картинку из чужих рассказов, а более тихий и практичный слой преступной среды. Там редко говорили большими словами. Чаще обходились намёками: кто за кого попросил, кто кому должен, кто имеет право торопить, а кто обязан молчать. Уважение там измерялось не громкостью, а тем, как быстро после одного имени начинали двигаться другие люди.

Месропян умел пользоваться этой тенью. Для водителей он был начальником, для мастеров — заказчиком, для юга — московским координатором. А для себя самого всё ещё оставался человеком, который якобы может отойти в сторону, если станет слишком жарко. В этом и была его ошибка. Преступная среда редко отпускает тех, кто слишком долго соединял чужие интересы. Человек думает, что держит в руках нитки, а потом обнаруживает: нитки давно обмотаны вокруг него самого.

Глава 6. Чистодел

Москва, мастерская Веры Лялевой

Вера Лялева работала дома. Слово «мастерская» звучало слишком торжественно для обычной московской квартиры. За стеной соседи включали телевизор, в подъезде хлопала дверь, на кухне остывал чайник. Только одна комната жила по другим правилам. Там стояли столы, принтеры, ноутбук и шкафы, содержимое которых лучше было не показывать случайному гостю.

Комната не была похожа на тайную лабораторию. Никаких красных ламп, сейфов до потолка и киношной конспирации. Обычные полки, пластиковые папки, коробки от техники, настольная лампа с гибкой ножкой. Чем будничнее выглядело место, тем неприятнее становилось, когда взгляд начинал различать детали.

На одной полке лежали чистые обложки. На другой — фотографии, рассортированные по конвертам. В ящике стола — лупа, ножи, клей, тонкие кисти, плёнка. Возле принтера — стопка бумаги, которую обычный человек назвал бы просто бумагой, а Вера различала по плотности, оттенку и поведению под лампой.

Она могла на ощупь сказать, годится материал или нет. Могла по фотографии понять, где человек моргнул, где напрягся, где слишком старался быть похожим на приличного. Ошибка в документе редко бывает большой. Чаще она крошечная: не тот блеск, слишком свежий угол, взгляд не совпадает с возрастом, подпись написана рукой человека, который боится собственной фамилии. Вера не терпела таких ошибок. Вера не любила случайных гостей.

Она открывала дверь только после звонка. Новых людей принимала через знакомых. Если человек начинал хвастаться, задавал слишком много вопросов или пытался торговаться, разговор заканчивался быстро.

— Мне не надо знать, для чего, — говорила она. — Мне надо знать, что вы хотите получить.

Так Вера отделяла себя от последствий собственной работы. В её квартире люди часто пытались говорить лишнее. Одни хвастались, что машина дорогая. Другие жаловались, что заказчик торопит. Третьи намекали на большие связи. Вера прерывала всех одинаково:

— Чем меньше вы мне рассказываете, тем спокойнее я работаю.

На самом деле она знала больше, чем хотела признавать. Видела, какие документы нужны под аренду, какие — под перегон, какие — под временную легенду. Понимала, зачем мужчина сорока лет внезапно становится другим человеком, почему на фотографиях спешка, почему Арсен привозит материалы ночью и почему южные всегда торопят. Но понимание — не то же самое, что признание.

Вера давно выстроила внутреннюю стену: за неё уходили машины, заказчики, водители, граница и деньги. Перед стеной оставались качество печати, совпадение лица с возрастом и срок выполнения. Её уже привлекали за поддельные документы. После той истории любой другой человек мог решить, что пора остановиться. Вера решила, что в прошлый раз просто доверилась не тем людям и была недостаточно осторожна. Она не называла себя преступницей. Она называла себя специалистом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.